

Марсель Рейнар

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОЛИ АРМИИ В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 Г.

Перевод *Н.В.Рудницкой*

Французский ежегодник 1961

М.: Наука. 1962. С.434-443

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Эта большая тема заслуживает внимания историков. В самом деле, революция высвобождает силы, которые, приходя в столкновение, в конце концов прибегают к насилию, преднамеренному или вынужденному. Так было в 1789 г. и в последующие годы. Поэтому позиция армии является одним из важнейших решающих факторов. Однако историография пренебрегала изучением революционной роли армии. Историки лишь в общих чертах говорили о разложении королевской армии старого режима, о рождении национальной армии и, наконец, о преторианской армии Наполеона.

Причина этого кроется, несомненно, в склонности к простому изложению фактической стороны истории, когда ее разграничивают на четкие, резко отличающиеся друг от друга периоды, что приводит к упрощению тех явлений, которые на деле являются весьма сложными, к тому, что факты излагаются сами по себе, без освещения их подлинной взаимосвязи. Это объясняется, вполне вероятно, также тем, что ученые занимались главным образом историей политической, по крайней мере историей гражданской, а военная история сводилась к описанию сражений. Но в эпоху, когда история стремится стать социальной, когда насилие царствует повсюду, было бы логично проанализировать социальную проблему армии и изучить вопрос о насилии и вооруженной силе.

После прежних моих работ — об адъютанте Бонапарты в Италии, о Лазаре Карно, курса лекций об армии в период французской революции — у меня возникла мысль изложить некоторые свои соображения, которые являются как бы своего рода введением к будущему исследованию о революционной роли армии в период французской революции 1789 г. Я ограничусь в данном случае постановкой отдельных проблем, указанием некоторых источников и, наконец, некоторыми вопросами методологии.

Можно было бы, кроме того, провести сравнительный обзор с другими революциями, предшествовавшими или следовавшими за французской революцией, в которых армия сыграла свою роль, но было бы анахронизмом иметь при этом в виду пронунциаменто.

В соответствии с традицией, основанной на юридическом определении институтов, следовало бы рассмотреть в хронологической последовательности в отдельности: королевскую армию старого режима, вспомогательную армию волонтеров, а затем армию, созданную согласно декрету об

* Доклад, прочитанный на заседании советско-французской конференции историков в Москве 4 октября 1961 г.

«амальгаме» путем объединения батальонов волонтеров и линейных войск. Но это привело бы к тому, что мы погрязли бы в деталях, упустив из виду существо вопроса, и внесли бы в него искусственную и обманчивую ясность.

Мы считаем также неверным понимать под армией только кадровый состав, младших и старших офицеров и даже генералов. Именно революция и революционные действия показали, до какой степени действительность не соответствует этому.

Наконец, мы не считаем нужным отделять мысль от действия, в отличие от той историографии, которая стремится разграничить явления не для того, чтобы дать затем связную картину их взаимоотношений, а для того, чтобы просто разделить их, рискуя затруднить или сделать неправдоподобным объяснение.

1. ОТКАЗ ОТ ПОВИНОВЕНИЯ

1. *Солдаты.* Армия может воздействовать на события своей силой, но она может привести к полному нарушению равновесия своим отказом от повиновения. «Мы здесь по воле народа и уступим только силе штыков» — эта знаменитая фраза Мирабо превосходно выражает смысл сказанного выше, ибо штыки так и не были пущены в ход. Людовик XVI не собирался, конечно, прибегнуть к их помощи, во всяком случае 23 июня. Но затем он передумал, что побудило Мирабо сделать новое заявление, менее известное и совершенно лишённое того внешнего эффекта, который был присущ первому, но гораздо более смелое. Это было 8 июля. Мирабо потребовал прекращения прений, поскольку по приказу короля к зданию, где заседало Национальное собрание, были стянуты войска. Он предложил потребовать от короля отменить приказ и удалить войска, заявив, между прочим, следующее: «Нет, вопреки слепому подчинению военной дисциплине, [солдаты] не забудут, кем мы являемся; они должны разглядеть в нас своих отцов, своих друзей, своих близких, отстаивающих самые насущные их интересы, ибо они часть нации... Нет, эти люди... никогда не откажутся от своего права мыслить...»¹.

Этот призыв к неповиновению, к братанию, правда, в форме сдержанного и беглого намека, тем не менее поднимал чрезвычайно важный вопрос, который стал предметом жестоких споров и разжег страсти. Даже тех, кому такая позиция армии была непосредственно выгодна, тревожила мысль о дальнейших последствиях неповиновения солдат. Мирабо предвидел это, ибо тогда же предложил доверить поддержание общественного порядка «буржуазной гвардии». Как много сказано этими немногими словами!

«Слепое подчинение» — этим сразу же ставится под сомнение вся концепция армии и солдата; более того, этим утверждается дух гуманизма, процветающий в эпоху провозглашения прав человека.

Этот вопрос был предметом оживленных дискуссий начиная с XVI в. и вызвал особенно жаркие споры в XVIII в. «В тех случаях, когда приказ начальника вынуждает солдата действовать явно против бога или вопреки своему долгу, он, несомненно, может и обязан нарушить его»². Эта аргументация, апеллирующая к нравственному и религиозному долгу, дополнялась призывом к человеколюбию и гражданским чувствам: «Воины суть люди, граждане», — утверждала в 1785 г. «Методическая энциклопедия»³.

¹ Archives parlementaires, t. VIII, p. 208.

² M. de Loess. Le soldat ou le métier de la guerre considéré comme le métier d'honneur. Francfort sur le Mein, 1751.

³ Encyclopédie méthodique. Art militaire. Discipline.

Таким образом, принцип слепого повиновения пришел в столкновение с новым духом, и Гибер (Guibert) совершенно ясно выразил это: «Принципы, лежащие в основе дисциплины... в силу самой своей природы неизбежно противоречат всем принципам гражданского духа»⁴.

Итак, это был конфликт не абстрактный, а непосредственно связанный с конкретной действительностью, а именно с социальным составом армии. «Пехотой, которая на две трети состоит из бродяг, дезертиров и мошенников, неизбежно следует руководить как каторжниками», — заявлял в середине века Боан в памятной записке об организации армии⁵. Известны военный устав Сен-Жермена, удары плашмя саблей и кое-что еще похуже. При той социальной структуре армии это считалось чем-то само собой разумеющимся. И разве не писал Монтескье, что «солдаты — самая презираемая часть каждой нации».

Представители идеологического течения, подготовившего революцию, клеймили эти нравы, стремились создать солдат-граждан, установить гуманную дисциплину, не знающую ни жестокости, ни слепого повиновения. Они стремились к этому в тем большей степени, что абсолютизм и привилегированные пытались сохранить свою власть, опираясь на порабощенную военную силу.

В то же время экономическая и социальная действительность давала бесконечные поводы для отказа от повиновения. В связи с беспорядками на рынках, повышением цен, недостатком хлеба войска должны были выполнять полицейские функции. Они делали это неохотно, и если случаи неповиновения были не очень частыми, то только благодаря тому, что офицеры вели себя очень осторожно, а министерство часто перемещало воинские части, чтобы не допустить братания солдат с населением. Именно это имел в виду Мирабо, когда заявил, что солдаты — это часть нации, что они сумеют осознать свои интересы и не станут слепо повиноваться приказам. С подобными речами выступал не один Мирабо; так делали и другие, причем, обращаясь непосредственно к самим солдатам. Это приняло такой характер, что министр погребовал от командиров сохранять особую бдительность ввиду таких «пагубных подстрекательств»⁶.

К сожалению, поведение войск в подобных обстоятельствах очень мало изучено. Национальный и Военный архивы, так же как и местные архивы, могут помочь выяснению этого вопроса. Внимательное исследование административной и военной корреспонденции позволило бы выявить настроения солдат, установить, насколько распространено было стремление к братанию и каково было его значение. Ведь гораздо легче констатировать факт, чем вскрыть степень его распространенности и его значение. В какой степени солдаты сознавали себя частью третьего сословия и были склонны оказать противодействие правительству, вельможам, дворянству и офицерам? Ибо отказ от повиновения мог быть актом социальной революции, выражением солидарности с народом и ненависти к привилегированным офицерам. Но он мог быть вызван также плохим питанием солдат или явиться выражением простого недовольства. Желательно было бы также выяснить более или менее точно позицию солдат в период «великого страха», их поведение в моменты разграбления и поджога замков. Наконец, знаменитые военные мятежи 1790 и 1791 гг. были освещены слишком поверхностно, без учета общего умонастроения и хода революции.

В связи с этими событиями встает вопрос об отношениях между войсками и национальной гвардией. Изучение его может дать нам весьма

⁴ Guibert. De la force publique, p. 12.

⁵ Archives de la guerre, documents généraux.

⁶ «Lettre au prince de Robecq sur la vigilance à exercer», 2 juillet 1789. — «Archives nationales», M. 664.

любопытные примеры отказа от повиновения и патриотического единения солдат с национальными гвардейцами.

Вопрос о взаимоотношениях между солдатами и национальными гвардейцами возник с самого начала революции. Этот вопрос слишком упрощали, изображая их отношения как соперничество, как антагонизм. Это ясно видно на одном примере. В марте 1790 г. в Марселе полковник королевского морского флота отказался ответить часовому под тем предлогом, что последний принадлежит к национальной гвардии. В дело вмешались офицеры, атмосфера накалилась. Тогда несколько солдат полка отправились заверить муниципалитет в своем патриотизме и добрых чувствах по отношению к национальной гвардии. На какой-то момент между солдатами, национальными гвардейцами и муниципалитетом установилось согласие, направленное против полковника маркиза д'Амбера, но затем корпоративный дух солдат все же восторжествовал.

Согласно декрету от 10 августа 1789 г. муниципалитеты должны были поддерживать общественный порядок при помощи национальной гвардии, армии и конной жандармерии. Таким образом, совместные действия этих формирований были предусмотрены и считались желательными. Можно было бы возразить, что национальная гвардия, состоявшая из активных граждан, была буржуазной, тогда как солдаты принадлежали к народу. Но в национальную гвардию вступало и много людей из народа, особенно в деревне. Если не говорить об офицерах, то антагонизм отнюдь не являлся неизбежным.

Таким образом, с 1788 до 1791 г. отказ от повиновения являлся выражением революционных настроений и позволял армии играть революционную роль как по отношению к правительству, так и по отношению к народу, новым гражданским властям и национальной гвардии.

2. *Офицеры.* До сих пор мы рассматривали этот вопрос (отказ от повиновения) главным образом применительно к солдатам, но он касается также офицеров. Их настроения и действия более известны, они привлекали к себе уже внимание современников и нашли выражение в публикации памфлетов, которые, как, например, памфлет Карно, представляют для историков большой интерес. Общую характеристику настроения офицеров, несколько устаревшую, но все еще представляющую большую ценность, можно найти в работе Гартмана⁷. Он рассказывает о враждебном отношении офицеров к королевскому двору в 1788 г., о фактах отказа от выполнения приказа, о проявлении патриотических гражданских чувств, а с другой стороны — о преданности дворян своему сословию, и следовательно, о контрреволюционных настроениях большинства офицеров. Революционная роль этой части армии была более ограниченной, хотя нельзя сказать, чтобы она была ничтожной, что как раз и не было исследовано. Необходимо выяснить численность, социальное происхождение, побудительные мотивы и действия офицеров королевской армии, сочувствовавших революции.

Обилие и сам характер источников позволяют провести такое статистическое исследование. В административных отделах архива Военного министерства сохранились личные дела. Надо только определить метод их исследования, т. е. их классификацию.

Простейшим критерием при этом исследовании может послужить отношение офицеров к присягам (это касается также и духовенства), а именно к присяге 10 августа 1789 г. на верность «нации, закону и королю», принесение которой в общем не встретило затруднений; к присяге

⁷ L. Carnot. *Réclamation... contre le régime oppressif sous lequel est gouverné le corps royal du génie, septembre 1789*; Lt. Colonel L. Hartmann. *Les officiers de l'armée royale, 1910.*

11 июня 1791 г., содержавшей обязательство бороться против заговоров и добиваться проведения в жизнь декретов под страхом бесчестия. Принесение этой присяги вызвало кризис, который еще более усилился в связи с изъятием из присяги обязательства о верности королю в связи с бегством последнего. И, наконец, отношение к присяге 3 сентября 1792 г. о «защите... свободы и равенства».

Существуют и другие критерии для определения настроений офицеров: это их поступки, сведения о которых подчас содержатся в их личных делах, это их служебные функции, всегда точно зафиксированные, а также принадлежность к клубам, избрание в представительные органы или на административные посты, или избрание на командные должности в национальной гвардии и особенно в батальонах добровольцев.

В завершение следует изучить до сих пор не использованные данные большого обследования, проведенного по приказу Комитета общественного спасения от 1 термидора II года Республики. Административный совет каждого корпуса должен был представить отчет, охарактеризовав «служебные и личные качества» всех офицеров. Этот отчет должен был содержать следующие сведения: фамилия, год и место рождения, профессия и место жительства до вступления в армию, профессия отца офицера, краткие сведения о продвижении по службе, образование, физические и иные данные и, наконец, патриотизм. Это были своего рода учетные карточки, которые в новых условиях могли быть использованы, как писал 17 фрюктидора Карно, в целях чистки⁸. Ответы на вопросы анкеты сохранились, большая часть их находится в серии AF II. Предварительное ознакомление с ними позволяет утверждать, что они представляют большой интерес для социологического исследования. Что же касается тех вопросов, которые мы рассматриваем в данной статье, то эта анкета содержит сведения об офицерах армии старого режима, оставшихся на службе. Эти ответы облегчают использование тех печатных списков, содержащих, к сожалению, только имена, которые были составлены в соответствии с декретом от 8 апреля 1793 г. Многие из этих списков находятся в Национальной библиотеке.

Изучение этой анкеты позволит определить удельный вес офицерства, оставшегося верным революции, и приступить к подлинному исследованию его революционной роли, отказавшись от окольных путей вроде биографий и различных забавных историй.

3. *От отказа от повиновения к отказу от контрреволюции.* В заключение наших заметок, касающихся отказа от повиновения, рассмотрим три значительных случая, когда контрреволюция потерпела поражение.

Во-первых, во время бегства короля. Отряды, которые должны были обеспечить безопасность беглецов, восстали. Сам Буйе не смог заставить людей, которые находились под его непосредственным командованием, выступить вовремя. Неудача задуманного предприятия (бегства короля) была в значительной степени вызвана этим отказом от повиновения.

Далее, во время событий 10 августа. Лафайету не удалось заставить солдат своей армии двинуться против революционного Парижа, после чего он вынужден был почти в одиночестве бежать за границу.

Следует сказать, что это явление было широко распространено: солдаты различных армий действовали аналогичным образом в отношении тех своих командиров, которые хотели увлечь их за собой в эмиграцию.

И, наконец, после Неервиндена, когда Дюмурье потерпел неудачу в несколько иных условиях, но по той же причине. И на этот раз позиция, занятая солдатами, имела решающее значение для революции.

⁸ Archives Nationales, AF II—200, Af II—224; Aulard. Recueil des Actes du Comité de Salut public, t. XV, p. 283.

Эти три крупных случая отказа от повиновения хорошо известны, но изучены слишком поверхностно. Хотя они и касаются отдельных групп, они являются частью общей картины той роли, которую сыграла армия в целом. Бегство короля, так же как и события 10 августа, позволяют дать совершенно ясный, точный и окончательный ответ на вопрос о том, была ли позиция армии революционной или нет.

Документы имеются в изобилии, но они слишком мало использованы. В первом случае (бегство короля) речь идет о переписке и административных документах, которые дают нам представление о стихийном движении, объединившем различные органы администрации и национальную гвардию и часто побуждавшем солдат выступать против своих командиров. Во втором случае (события 10 августа) это документы об отправке в армию депутатов Законодательного собрания, которые добились одобрения армией событий 10 августа, как об этом свидетельствует поездка Карно.

К этому можно добавить, что действия эмиграции, угрозы какого-нибудь Буе или Конде напоминали о нависшей над революцией опасности, что способствовало подъему революционного духа, косвенно и непроизвольно предоставляло армии другую возможность играть революционную роль.

II. СТИХИЙНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Отказ солдат от повиновения свидетельствовал о настроениях, которые неизбежно должны были проявляться и в других формах. Однако революционные действия армии мало изучены. Есть лишь несколько исследований частного характера, которые бегло освещают настроения отдельных воинских частей, например французской гвардии, на революционное поведение которой в Париже, особенно 14 июля, было обращено внимание.

Здесь также было бы желательно провести серьезное исследование. Его можно было бы начать с изучения военной корреспонденции, сохранившейся в Военном архиве, и административной корреспонденции, имеющейся в Национальном архиве. На основании этих документов можно было бы установить случаи бдительности, разоблачений, осуществлявшихся совместно с клубами; выявить пропаганду, также при случае проводившуюся вместе с клубами, антирелигиозную деятельность, т. е. в более широком плане — действия против всех внутренних врагов революции.

Я ограничусь лишь одним примером, правда, более позднего времени, но все же относящимся к эпохе революционного подъема — к моменту государственного переворота 18 фрюктидора, включая период его подготовки и осуществления. Речь идет о генерале Камбрэ, который, находясь в деп. Сарта, покровительствовал действиям «исключительных» и поддерживал тесную связь с конституционными кружками⁹, что сопровождалось столкновениями между войсками и роялистами. Подобные события происходили по всей Франции. Можно также отметить сотрудничество некоторых офицеров с комиссарами исполнительной власти после 10 августа. Но прежде всего активное участие военнослужащих в клубах. Это — поле для больших исследований, почти совсем не обработанное. Несомненно, некоторые воинские соединения имели революционную репутацию, то прославляемую, то изобличаемую, но все же бесспорную. Следовало бы выявить все эти воинские части, составить их полный перечень и проанализировать побудительные причины их революционных действий.

⁹ M. Reinhard. Le département de la Sarthe sous le Directoire, p. 276.

Революционные действия национальной гвардии и батальонов добровольцев, изученные лучше (хотя все же далеко не систематически), с нашей точки зрения, также были довольно значительными.

Часто повторяют, что национальная гвардия была буржуазной, но в эпоху буржуазной революции именно это и заставляло ее действовать активно. Кроме того, социальный состав национальной гвардии был гораздо более пестрым, чем это можно было бы предполагать на основании законодательных актов¹⁰. Вот почему отряды национальной гвардии часто принимали участие в революционных выступлениях, особенно в деревне, когда речь шла о борьбе против дворян и сеньориальных прав. Это доказано многими локальными исследованиями. Можно было бы приветствовать появление в этой области обобщающего труда. Что касается городов, по крайней мере наиболее крупных, то они тем более хранят память о революционных действиях местной национальной гвардии, что подчас имели место контрреволюционные или, по меньшей мере, консервативные действия отдельных отрядов национальной гвардии.

Два примера наглядно иллюстрируют эту революционную роль. С одной стороны, стихийные восстания весной 1791 г., и особенно 20 июня, во время бегства короля. Эти события представляют громадный интерес для выяснения обстоятельств возникновения поголовного ополчения, ибо именно это имело место¹¹. Крайнее напряжение и настороженность, вызвавшие немедленно всеобщие действия, которые привели к аресту Людовика XVI и, стало быть, к провалу его попытки бегства, представляют, несомненно, революционный факт.

С другой стороны, великие события, происшедшие в Париже 20 июня, 10 августа, 31 мая и 2 июня (если ограничиться только главными), были преимущественно делом национальной гвардии.

Таким образом, в понимании своей роли она выходила далеко за пределы буквы закона.

Этим объясняются и действия добровольцев, которые, как правило, состояли до этого в национальной гвардии. По этому вопросу также имеются разрозненные данные, опубликованные в ряде монографий, посвященных отдельным районам или батальонам. Они рассказывают о добровольцах, которые преследовали аристократов, неприсягнувших священников, подозрительных, спекулянтов, а также вели пропаганду. Эти волонтеры поистине были отрядами солдат — граждан в самом глубоком смысле этого слова. Было бы большой ошибкой смешивать их с линейными войсками, по тем не менее они представляли собой вооруженную силу и играли значительную революционную роль. Этот вопрос заслуживает более глубокого исследования и создания обобщающего труда.

Итак, мы попытались вскрыть сущность революционных действий, что является лучшим введением в изучение того, что современники (употребляя выражение, которое приобрело для их потомков двусмысленный характер) называли «революционными армиями». Революционная роль была их миссией, именно тем, ради чего существовала эта вооруженная сила. Я буду в данном случае очень краток, поскольку Р. Кобб приступил к публикации исчерпывающего труда на эту тему. Я лишь замечу, что создание «революционных армий» было завершением длительных усилий, направленных на ведение с помощью регулярных формирований систематической вооруженной борьбы против всех внутренних врагов революции.

Я не считаю «революционные армии» оригинальными, как это обычно полагают. Их можно сопоставить с рядом стихийно созданных военных

¹⁰ P. Arches. Aspects sociaux de quelques gardes nationales au début de la Révolution, 1956.

¹¹ M. Reinhard La fuite du roi, Cours de Sorbonne.

формирований, которые предшествовали им, существовали наряду с ними или возникали после них¹². Трудно провести различие между этими группами и национальной гвардией, с одной стороны, и между ними и «революционными армиями» — с другой. Коббу это не вполне удалось, поскольку эти стихийно возникавшие формирования без конца изменялись, были весьма неопределенными и недолговечными. Социальный состав всех этих формирований, насколько известно, один и тот же — санкюлоты. Но он был не чисто пролетарским, а весьма смешанным. Эти формирования объединяли рабочих, служащих, безработных, ремесленников, мелких торговцев, мелких буржуа. Это был народный фронт. Разрозненность, анархия и недисциплинированность, характерные для этих формирований, сделали необходимым включение их в регулярную армию, когда к власти пришло сильное правительство. Эту задачу выполнило революционное правительство.

III. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОВИНОВЕНИЕ

Это выражение может шокировать, но значение его в период революционного правительства совершенно ясно. В это время уже нетерпимы были неповиновение, обсуждение приказов, стихийные формирования. Тот самый Карно, который был врагом беспрекословного повиновения, теперь восстанавливал его суровыми и эффективными мерами, направленными прежде всего против непокорных генералов.

Стремление ограничить власть генерала, командующего армией, особенно если он одерживал победы и оказывался безраздельным хозяином завоеванной территории, составляет одну из характерных черт революции. Это привело к строжайшему надзору, к разоблачениям и к репрессии против любого, кто вызывал подобные подозрения.

Благодаря этому армия стала послушным орудием, весьма грозным во времена террора. Ее задача состояла в том, чтобы сражаться, побеждать, а также вести пропаганду. Это достаточно хорошо известно и не требует доказательств.

Известно также, что эта армия не была уже ни армией 1789 г., ни даже армией 1791 г. В результате «амальгамы» в нее были включены, хотя и не полностью еще, батальоны волонтеров. Но вопрос о волонтерах и линейных войсках, которому были посвящены лишь очень немногие и зачастую посредственные работы, нуждается в более глубоком исследовании.

Что касается волонтеров, то необходимо начать с изучения национальной гвардии, руководствуясь работами Арша (Arches). Нужно провести социологический анализ, выяснить социальное происхождение национальных гвардейцев и общее умонастроение отрядов национальной гвардии, а затем волонтеров 1791 и 1792 гг. Большинство из них были проникнуты революционной волей, которую они передали линейным войскам, влившись в их ряды. Но наши знания об этом весьма распылчаты из-за отсутствия хороших монографий. По этому вопросу существуют административные документы, а также ряд работ. Работа Дюмона «Национальные батальоны волонтеров», опубликованная в 1914 г., и карточки, оставленные автором в архиве Военного министерства¹³, как и многочисленные

¹² В Каталоге Военного архива перечень этих формирований, под наименованием «Специальные войска», занимает много страниц, причем этот перечень не является исчерпывающим. См. M. Reinhard. Le Grand Carnot, t. II, 92 sqq.

¹³ Dumont. Les bataillons de volontaires nationaux, cadres et historiques, 1914. Documents manuscrits, archives de la Guerre, N 2329

документы департаментских архивов, пространные выписки из которых имеются в Военном архиве, могут послужить основой для дальнейшей работы¹⁴.

С другой стороны, линейные войска подверглись значительной реорганизации. Заслуживают внимания заявления, сделанные в сентябре 1792 г. Бироном, а также одним агентом исполнительной власти, о том, что «большинство линейных войск состоит из рекрутов». Кто же были эти рекруты? Никто не занялся выяснением этого вопроса.

Таковы те два истока, оба плохо изученные, от которых ведет свое начало национальная армия II года.

Революционная роль этой армии еще более подчеркивается дезертирством. В самом деле, последнее было столь легким и столь частым делом, что тех, кто не дезертировал, можно вполне заслуженно считать добровольцами в полном смысле этого слова.

Что касается собственно революционной роли армии, то она была различной в зависимости от того, где использовали армию — внутри страны или за ее пределами. Террор был делом армий, используемых против вандейцев; за пределами же страны он применялся гораздо реже. В то же время армия осуществляла надзор за муниципалитетами и населением и иногда вела пропаганду в оккупированных странах.

Некоторые указания, которыми можно руководствоваться при исследовании этого вопроса, имеются в книге Годешо «Великая нация»¹⁵. Локальные исследования изобилуют данными, рисующими нам армию как носительницу революционных принципов и прав, которые эти «миссионеры в сапогах», по знаменитому выражению Робеспьера, пропагандировали более или менее успешно за пределами страны. Армия действовала в этом смысле очень активно, настойчиво и упорно, хотя подчас ее действия вызывали национальную оппозицию против французских оккупантов. Было бы интересно подвергнуть сравнительному анализу эту роль армии в разное время и в разных местах.

Помимо своей главной функции — вооруженной борьбы против врагов революции, армии пришлось осуществлять также функции административные и политические, которые были революционными в той мере, в какой правительство насаждало принципы и учреждения революции за пределами Франции.

Именно выполнение этих функций в оккупированных странах и привело к тому, что армия перестала быть послушной, в то время как ослабленное и неустойчивое правительство утратило свой авторитет. Могла ли армия, ставшая преторианской и подготавливавшая переход к цезаризму, играть еще революционную роль? Ответ на этот вопрос связан с другим вопросом:

IV. ОСТАЕТСЯ ЛИ ПРЕТОРИАНЕЦ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ?

Это последний, но отнюдь не наименее важный из рассматриваемых нами вопросов, так как в этот период армия снова становится строго замкнутой организацией, совершенно изолированной от национальной гвардии, нерегулярных воинских отрядов и других военизированных соединений, что означало, что отныне армия может играть определенную роль не только в силу своих методов и своего духа, но и в силу отбора.

Ответом служат действия Наполеона и история Европы. Наполеон в роли душеприказчика революции сохраняет революционное наследство, урезывая и замораживая его во Франции и развивая в Европе. Армия

¹⁴ Volontaires nationaux, archives de la Guerre, sous-série X.

¹⁵ J. Godechot. La Grande Nation t. I, p. 146, 164.

становится во Франции устойчивой, послушной и почетной корпорацией, открывающей путь к карьере. За пределами Франции она выступает против традиций и учреждений старого режима, против всего его духа. В наполеоновском гвардейце уживаются культ революции с культом Наполеона, национальный шовинизм с приверженностью к равенству. Это проявляется в его относительной дисциплинированности — он предан в главном, но сварлив и ненадежен в мелочах, а также в его пренебрежении ко всем старым социальным, политическим и религиозным институтам Европы. Это характерно и для массы младших офицеров, принадлежавших к революционному поколению.

После падения империи от всего этого останется ощущение горечи, порой довольно воинственно проявляющееся в оппозиции к Реставрации и в смещении чувств привязанности к империи и к республике.

Историческая литература о наполеоновском периоде колоссальна, но работы об армии и ее настроениях способны ввести в заблуждение, а лучшая из них — книга Морвана — устарела¹⁶. Только в результате синтеза можно было бы получить более точную и детальную картину, особенно в том, что касается передачи «стариками» революционного мифа новобранцам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ясно, что армия играла значительную революционную роль, которая была весьма далекой от выступлений типа путча или пропунциаменто. Ее отличительной чертой была связь с революционным движением, связь, которая возникла у части армии старого режима, а затем еще более усилилась благодаря военизированным формированиям, служившим связующим звеном между армией и населением и впоследствии влившимся в нее.

Роль армии заключалась в том, чтобы сражаться, но сражаться в войне, в которой борьба внутри страны переплеталась с борьбой на границах, гражданская война приобретала международное значение, а международная борьба — черты гражданской войны. Идеологические и социальные противоречия приводили к тому, что борьба велась при помощи пропаганды и политических действий, военных действий и террора.

Однако эта схема не охватывает многих сторон — из-за отсутствия исследований общего характера, которые бы освещали весь процесс в целом, весьма сложный и растянувшийся на поколения. Ведь революционная роль армии проявилась не в одном революционном взрыве, а в целом ряде взрывов, отделенных друг от друга промежутками затишья и протекавших по-разному в разных местах. Революционные действия, вначале в значительной мере стихийные, становились с течением времени все более организованными. Мы знаем, как по-разному понимали в то время революционную роль армии: Карно и Робеспьер видели в ней орудие революции, полностью подчиненное контролю революционной власти; санкюлоты, эбертисты выдвигали на первый план связь армии с внутренними революционными силами; Бабеф считал, что армия должна стать прообразом коммунистического общества и орудием его созидания; Наполеон отводил армии роль элиты и орудия принуждения в иерархическом обществе. Итак, ряд смелых идей, выдвинутых в период с 1789 по 1815 г., предвосхитил жаркие споры, развернувшиеся в XIX и XX вв. по проблемам армии и революции.

¹⁶ Morvan. Le soldat imperial, 1904; A. Soboul. Les soldats de l'An II. Paris, 1959.

Материалы к теме:

А. Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf

М. Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_bukov.pdf

Э. Ференбах. Идеологизация войны и радикализация Французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_fehrenbach.pdf

А. Собуль. О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики)

http://vive-liberta.narod.ru/doc/sj_soubul_doc.pdf

Г. Кигурадзе. Пробуждение армии

http://vive-liberta.narod.ru/journal/arme_fe-84.pdf

В. Третьяков. Французские революционные войны 1792-96 гг. Краткий стратегический очерк

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/tretyakov.pdf>